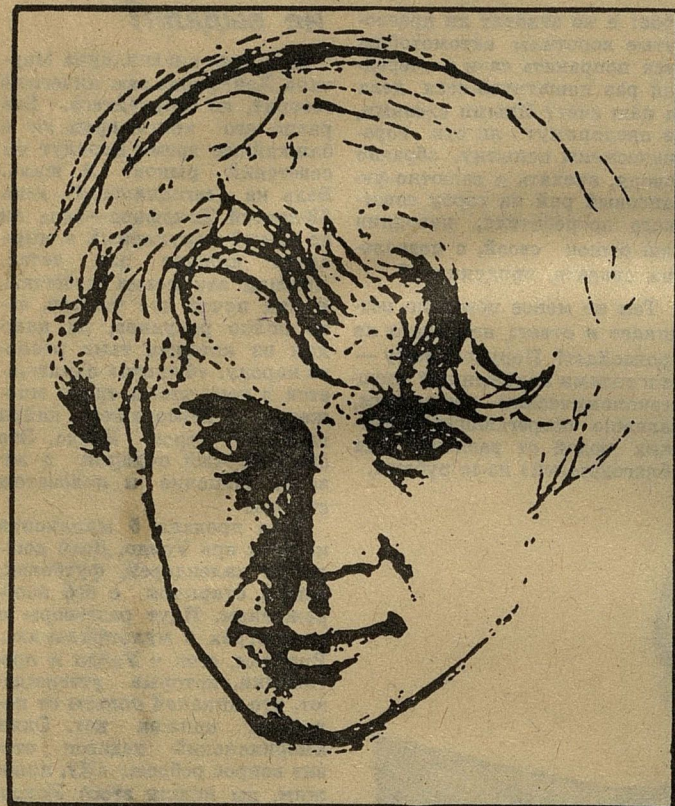

«АНГЛЕТЕР». ЛОВУШКА ПОЭТУ

По своей ли воле расстался с жизнью Сергей Есенин?

«В маленькой мертвецкой у окна
Золотая голова на плахе:
Полоса на шее не видна —
Только кровь чернеет
на рубашке...»

Так писал поэт Василий Князев, который провел ночь в морге Обуховской больницы, у тела Сергея Есенина. Поэта не стало в ночь с 27 на 28 декабря 1925 года.

В вечернем выпуске ленинградской «Красной газеты» 30 декабря 1925 года появилась некролог, строки которого предпослали не напоминать читателям более 60 лет. Автор некролога Борис Лавренев назвал случившееся убийством.

Официальная версия была, как слишком хорошо известно, — самоубийство. Такова она и сегодня.

Факт поразительный: официальная версия существует, но официальной проверкой ее не занимался никто на протяжении всех 65 лет! Никто не подверг сомнению и акт судебно-медицинской экспертизы, составленный на скорую руку и так небрежно, что даже отчество Есенина забыли туда вписать.

Как слишком часто у нас бывает, труд по восстановлению истины взяли на себя энтузиасты, подвижники.

Почерк трагедии пытается расшифровать кандидат педагогических наук Александр МЕЛИКСЕТАН.

— Александр Сергеевич, последние полтора-два года наши знания, наши раздумья о Есенине обогатились рядом спорных фактов и серьезных концепций о его гибели. Многие склонны считать, что поэт был злодейски убит. И все последовавшие за этим события как планомерная акция не только по «заматанию следов» преступления, но и по исключению Есенина из нашей литературы, всяческая компрометация его образа и имени. Почему вы, не писатель и не литературовед, решили взяться за есенинские изыскания?

— По роду своей научной деятельности я далек от исследования творчества Есенина. Много лет посвящал проблеме расшифровки личности, используя не только общепринятые академические методы, но и так называемые «лженауки».

Серьезное значение придаю такой науке, как графология, но не криминалистическая, а психографология.

Когда волна нового интереса к трагической судьбе Есенина закономерно поднялась, мне и вспомнилась одна работа.

— А именно?

— «Почерк и личность» Д. М. Зуева-Инсарова. Книга старая, практически никем широко не востребованная, содержит характеристику Есенина, выведенную из анализа его почерка. А вспомнилась она в связи с другой известной «огоньковской» публикацией — воспоминаниями Бажанова, бывшего секретаря Сталина. Помните рассказ о темном чекисте-графологе, с помощью которого были зафиксированы по почеркам в анкетах делегаты XIII съезда РКП(б), голосовавшие против Сталина? Работа была проделана ювелирно, ее мог осилить только истинный профессионал, к тому же состоявший на службе в ГПУ. Время совпадает. Вот я и предполагаю, что «темный чекист-графолог» и автор психографологической характеристики Есенина одно и то же лицо.

— Чем можно подкрепить ваши предположения и почему именно графология столь важна?

— Чтобы это понять, придется несколько отклониться от собственно есенинской темы и поговорить именно о графологии. Она является серьезнейшей наукой. Вернее, являлась до революции и в 20-х годах. Сейчас мы не продвинулись в ней ни на подматка, скорее отстали. Благо, хоть не говорим, что это лженаука, и на том спасибо. С моей же точки зрения, это вообще наука будущего. Сейчас она имеет, по-видимому, очень узкую сферу применения — в криминалистике, и все. Но почему так? Ведь графология связана с центральной нервной системой. Почерк — серьезнейшее свидетельство о структуре личности, ее наклонностях, способностях, интеллектуальном и эстетическом потенциале. Стало быть, ранняя диагностика личности могла бы соответствовать этой личности развиваться, от чего-то предостерегать, намечать какие-то противопоказания, скажем, в

определенном роде деятельности.

— А помните в «Идиоте» Достоевского — какой восторг вызывал князь Мышкин своей каллиграфией у окружающих его и как закономерно это отражалось в редких душевных качествах героя?

— Да, да. Можно много и других примеров найти. Важно понять — мимо чего мы проходим. А также то, что в прошлом на эту науку опирались, и опирались, как ясно в случае с Есениным, не случайно! Его психографологический очерк, выполненный Зуевым-Инсаровым, производит странное впечатление. При методологической безупречности, ряде очень точных наблюдений встречаются — и неоднократно повторяются! — известные клише того времени. Ими щедро награждали поэта травившие его пролеткультовцы (вдохновляемые наркомом просвещения Луначарским, Троцким, Бухариным). Слово из их пасквилей перешли в графологический очерк «мнительность», «распад личности», «боязнь смерти». Понимаете — очерк словно подготавливал трагический конец. К тому же загадочно происхождение текста. Портрет Есенина был графологу как бы заказан. Редактор издательства «Современная Россия» Н. Савкин «просит» Зуева-Инсарова выполнить эту работу за несколько дней до трагического конца, снабжает его автографами поэта разных лет. Что все это значит? Зачем это Савкину? Почему графолог берется и выполняет «просьбу» без ведома еще живого Есенина, тогда как на подобный очерк о Горьком он будет выпрашивать разрешение письмом в Сорренто у самого Горького (через два года). Наконец, почему есенинский анализ назван «показательным» и занимает в книге шесть страниц, значительно больше других.

— Александр Сергеевич, вы ведете к тому, что графология как наука была в данном случае мобилизована на черное дело, выполняла социальный заказ времени, она подтверждала высшую закономерность той или иной судьбы. Но можно ли только на основании есенинско-бажановского совпадения делать такой вывод?

— Приведу другой пример — тоже политический. Я знакомился с психографологической характеристикой Николая Второго, сделанной в 1917 году еще при его жизни, которая вскоре пресечется. Чего там только нет — каких эпитетов и сравнений! А ведь за нашим последним царем закрепилось исконно народное определение — «кроткий». О ком еще шла снизу такая молва? Ни о ком. Опять графология обслуживает насущную задачу дня.

— Ну а если все же эти очерки точны? Как проверить?

— Надо сделать заново анализ почерка. Но кто будет делать? Даже не могу назвать специалистов, равных Зуеву-Инсарову.

— Что известно о Зуеве-Инсарове? Коль скоро он главное действующее лицо вашей концепции, было бы логично присмотреться?

— А вот это мне пока не удается. При том, что он был фигурой известной, председателем Русского научного графологического общества, узанать поподробнее ничего нельзя.

Известно, что к работе в следственных органах он привлекался активно, известно, что земные следы его обрываются в конце тридцатых годов. Словом, нужна специальная работа, а проще говоря — нужно открыть архивы ГПУ.

— Нет ли тут элемента искусственного политизирования?

— Присмотритесь к последним месяцам жизни поэта — сплошное преследование и бесконечные провокации. Такое впечатление, что по пятам идут, ловят на чем угодно. Окружение Есенина теперь составляют служивые люди. Вернее, он оказывается в их окружении. Ценнейшее открытие сделала недавно программа «Пятое колесо»: доказано, что тихий, скромный поэт Эрлих, которому Есенин доверял, был капитаном НКВД, до капитана ведь надо дослужиться.

Все время держали его на мушке. Это и позволило кому-то настичь поэта в Петрограде, куда он уехал почти неожиданно. О той поездке мало кто знал...

— Поэт, стоявший всегда вне политики, оказывается каким-то образом с ней связан?

— Выходит так. Певец деревни и хранитель ее духа, поэт колоссальной социальной силы, которая прибывала в нем и делала его все более опасным, Есенин вступил в трагическое противоречие с временем и с генеральной линией партии на раскрестьянивание, а по сути — на уничтожение крестьянской России. Как известно, в начале двадцатых годов по стране разносились громогласные призывы Троцкого создать из крестьянства «трудовые армии». Лидер революции с лютой ненавистью относился ко всему, что было связано с деревней, да только ли он? Шквал ненависти, который обрушило молодое пролетарское государство на традиционную, веками сложившуюся деревню, ее уклад, мышление, способ ведения хозяйства, — не имеет себе равных в истории. Раздавить ее «ударом фабричной пяти» — призывал комсомольский поэт Безыменский. В этом смысле очень любопытно опубликованное в «Известиях ЦК КПСС» (1989 г., № 1) письмо А. М. Горького к Н. И. Бухарину от 13 июля 1925 года.

«Надо бы, дорогой товарищ, Вам или Троцкому указать писателям-рабочим на тот факт, что рядом с их работой уже возникает работа писателей-крестьян и что здесь возможен, — даже, пожалуй, неизбежен конфликт двух «направлений». Всякая «цензура» тут была бы лишь вредна и лишь заострила бы идеологию мужикопоклонников и деревенелюбов, но критика — и нещадная — этой идеологии должна быть дана теперь же.

Талантливый, трогательный плач Есенина о деревенском рае — не та лирика, которой требует время и его задачи, «огромность которых невообразима».

Поэты есенинской плеяды или, по их собственному определению, поэты, «вышедшие из недр трудового крестьянства», — Н. Клюев (хотя именно его Есенин считал своим учителем), С. Клычков, А. Ганин, П. Карпов, П. Радимов, П. Орешин, А. Ширяев, В. Наседкин, П. Васильев, И. Приблудный. Семеро из

них погибли в годы репрессий. Но первым ушел Есенин.

Вот слова из речи Троцкого на вторую годовщину гибели поэта: «Поэт погиб потому, что был не сродни революции».

Хотя, конечно, очень заманчиво было Есенина приручить. Сделать его певцом «трудовых армий», например. И, как пишет поэтесса Н. Сидорина, единственный член правительства, кто в последние годы жизни Есенина всерьез им интересовался, был как раз Лев Троцкий. «Опекал» и «присматривал», с помощью подручного, сотрудника ВЧК Якова Блюмкина и своего сына Л. Седова. Блюмкин (известный террорист, убийца немецкого посла Мирбаха, что имело для него незначительные последствия) все время вертелся в литературной среде, и — рядом с Есениным. Его же Троцкий назначил военным инспектором Красной Армии в Закавказье. И еще один штрих к портрету этой достаточно темной личности: у Блюмкина при себе всегда были пачки незаполненных бланков на расстрел.

Как отмечает Э. Хлыстов, в сентябре 1924 года Блюмкин поднял пистолет и на Есенина, в Баку, в гостинице «Новая Европа».

Есенин был человеком не робкого десятка, но неоднократно уверял, что его собираются убить.

Редакторы и издатели того времени смаковали с особым усердием воспоминания друзей и знакомых о пьяных дебошах Есенина, о его покушениях на самоубийство, упоминая при этом, что он лечился в психиатрической больнице.

— К сожалению, были и дебоши, и пьянство, я даже — психиатрическая больница...

— Знаете, у того же А. М. Горького я встретил такое выражение: «Глупо, как факт». И ведь в том-то и дело, что факт сам по себе мало о чем говорит. Да, это было: психиатрическая больница на Пироговке. Несколько раз по совету сестры Есенин ложился туда, чтобы спастись от ареста!

Факты вокруг Есенина требуют своего переосмысления.

В массовом сознании годами формировался неприглядный облик поэта. На это трудились многие люди — идеологи, критики, писатели. Одна из непригляднейших ролей тут у Бухарина. После его некоторых выступлений Есенин вычеркивается — на 30 лет! — из нашей культуры. В семидесятых годах мне пришлось отвечать на письмо, пришедшее в Академию педагогических наук от одной женщины: зачем-де пропагандируем творчество пьяницы и развратника, словом, призывала дать бой «есенинщине». И это, повторяю, уже в семидесятых...

Вы спрашивали в начале нашего разговора — почему я занялся данной темой? А меня глубоко оскорбляют и подобные письма, и недавний пожар московского музея Есенина (только что воссозданного реставраторами), и снос «Англетера», и липовый акт о смерти поэта, и вялая работа по восстановлению истины, и закрытые архивы...

И более всего оскорбляет версия его самоубийства.

Беседу вели
А. КОЛЕСНИКОВ
В. ТЕРЕХИНА.